«ДОКУМЕНТЫ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ». ИЗ ПИСЕМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ А. ПЛАТОНОВА

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: *статья посвящена проблемам изучения литературно-художественного наследия А. Платонова: исследователем уточняется происхождение идей и подходов, не утративших своего значения на современном этапе развития науки. В центре внимания автора работы — письма исследователей, содержащие малоизвестные факты из истории приращивания знаний о жизни и творчестве писателя. Большая часть писем цитируется впервые.*

Ключевые слова: *история науки, наследие А. Платонова, письма исследователей.*

Abstract: *the article is devoted to the problems of studying the literary and artistic heritage of A. Platonov. the origin of ideas and approaches that have not lost their importance at the present stage of scientific development is clarified. The author of the work focuses on letters from researchers containing unknown facts from the history of increasing knowledge about the writer's life and work. Most of the letters are quoted for the first time.*

Keywords: *History of science, Platonov's heritage, letters of researchers*

В литературно-критических работах об истории изучения платоновского наследия встречаются ссылки на «обстоятельства непреодолимой силы», под которыми, как правило, понимаются запреты на полноту знаний о писателе, не позволявшие в цензурную эпоху обнародовать его произведения и факты биографии, «нежелательные» для советской печати. Но история нашей науки убеждает, что в годы, когда у многих «рты были на замке» [1, 23], неблагоприятные обстоятельства преодолевались учеными, посвятившими себя платоновской теме. О том, как непросто и драматично это происходило, позволяют судить письма исследователей, хранящиеся в государственных архивах и частных собраниях. Ценность этих документов велика. Обращаясь к ним, мы уточняем происхождение научных идей и подходов, не утративших своего значения, вспоминаем тех, кто, не жалея себя, трудился «в усилии к будущему времени...» [2].

Первооткрывателем творчества А. Платонова для научных исследований по праву считается Лев Алексеевич Шубин (1928–1983). Его статья «Андрей Платонов» [3], опубликованная в шестом номере журнала «Вопросы литературы» за 1967 год, стала прорывом и «прологом» для дальнейших разысканий. Ее автор, говоря об эстетической и философской природе платоновской прозы, опирался на произведения, жестоко раскритикованные в 1920-е и в 1930-е годы, анализировал роман «Чевенгур», цитировал повесть «Котлован», возрождая веру в возможность

их опубликования. «Статья Л. Шубина <...> была для нас и открытием, и утверждением» [4], — делился впечатлениями от прочитанного брат писателя П. П. Климентов.

С середины 1960-х годов, изучая труднодоступные архивы и пореволюционную периодику, Л. А. Шубин собирал материалы для своей книги об Андрее Платонове, ставшей, по замечанию С. Г. Бочарова, главным делом его жизни [5, 4]. Работы Льва Шубина в печати появлялись нечасто [6], но были замечены и востребованы многими поколениями исследователей. Не устарели наблюдения литературоведа о том, что многие идеи, выдвинутые в ранних статьях А. Платонова-публициста, «переданные героям» [7, 198], в его художественном творчестве «лишаются завершенности, проверяются на прочность» [7, 198] и обеспеченность жизненным смыслом. Ученый был первопроходцем в постижении «самобытного сочетания в сознании молодого писателя новой революционной идеологии и стихийной народной философии, традиционного русского правдоискательства, проповеднической серьезности, высокой патетики и народного юмора (с примесью некоторой толики юродства, имеющего также богатую историческую национальную традицию), <...> утопии и сатиры, активной установки на преобразование мира с глубинной созерцательностью, противоречие человека и природы, от жесткого максималистского противостояния к сложному, обогащающему взаимовлиянию и взаимообмену, — все эти завязи платоновской обрванной проблематики» [5, 4] выявлял литературовед, обращаясь к творчеству А. Платонова.

Работая в издательстве «Советский писатель», Шубин сталкивался с ограничениями и запретами, мешавшими составлять и комментировать издания, которые он готовил к печати. В условиях цензуры, выхолащивавшей профессиональное прочтение платоновского текста, литературоведу «приходилось писать в стол» [8, 4] и делиться своими сокровенными мыслями о писателе вне «конторы» — так он называл «присутственное место».

Письма Л. А. Шубина, адресованные Владиславу Петровичу Скобелеву (1930–2004) и его семье, передают разные эпизоды противодействия казенным «обстоятельствам» и «причинам», над которыми Лев Алексеевич иронизировал: «Впрочем, понимаю — этого не скажешь. Обстоятельства наши очень строгие» [из письма от 09.03.1977]. «Опять молчал год. Простите, Бога ради! Причины были, они (причины) есть, но их «причин» нет» [из письма от 07.01.1978]. «Все на нашей Шипке спокойно» [из письма от 19.01.1978].

В письмах редактора, мыслителя и вольнодумца, приводятся интересные факты о литературной жизни, «временах и нравах» 1970-х годов, но особый «сюжет» выстраивается вокруг платоновской темы: «Новостей особых сообщить пока не имею. <...> Написал (вчерне) главку для книги о Платонове. Даже вот выступил с отрывком на вечере Платонова. Тебе, прирожденному оратору и лектору, — хоб что, а для меня это вона, что! Жаль, что вы не смогли приехать на вечер — он, кажется, был хороший. <...> Владик! Пишу Славе [В. А. Свительскому. — О. А.] и тебе — мне для работы сейчас нужны материалы о Воронеже. Пришлите, если есть, верну быстро» [из письма от 9.03.1977]. «В издательстве тяжело, противно, мерзко. Редактирую сб.<орник> восп.<оминаний> о Заболоцком. Резали. Но, кажется, все еще интересно. Редактирую сб.<орник> восп.<оминаний> о Казакевиче. Будут еще резать. Пока интересно. Пишу Платонова. Зарезжут совсем. Пока интересно» [из письма от 19.01.1978]. «Жизнь моя медленно идет, поскрипывая... В «конторе» гадко. <...> Вот еще и проболел я всю зиму. Работа над Платоновым идет. Для меня, по моим темпам, неплохо. Пишу. Честно сказать, хотя я и пишу все эти полтора года (и для меня очень много), но не знаю и не представляю себе зачем, кому. Для публикаций нет никаких каналов и возможностей — ни по материалу, ни по сути того, что пишу. Грустно. Начинаю исподволь втягиваться в тему Заболоцкого. Идет материал — сам идет. Но тоже — зачем, куда, кому?» [из письма от 23.03.78].

Нельзя не признать, что «Л. Шубин посвятил себя своему поглощающему труду, которому не было видно конца, <...> в каком-то более высоком и старинном смысле, нежели тот, в каком обычно мы употребляем этот стертый оборот» [5, 4–5]. В добросовестном изучении «духовно-творческой биографии» [5, 6] создателя «Сокровенного человека» литературовед

видел высокую и ответственную задачу, стоявшую перед научным сообществом. Вспоминая платоновские слова о том, что книги следует писать — «каждую, как единственную» [9, 13], Л. А. Шубин строго спрашивал с себя и с других: «Помнишь, Эйхенбаум, сравнивая Горького и Блока, говорит: Горький — заместитель интеллигенции в революции. Все мы, вслед за ним, заместители той интеллигенции, которой уже нет» [из письма от 9.03.1977].

В 1970-е годы новые подходы к изучению творчества А. Платонова все очевиднее отвергались догматическим литературоведением. А. И. Овчаренко, один из «столпов» консервативной официальной науки, препятствовал выходу в свет новаторской статьи С. Г. Семенович (1941–2014) о влиянии федоровских идей на автора «Происхождения мастера». Обвинял исследователя в увлечении реакционной и «враждебной» философией автора «Общего дела» и находил в ее статьях проявления «борьбы и размежевания» [10, 410] с советским литературоведением. Лауреат Государственной премии А. И. Меченко, возглавлявший в МГУ кафедру истории советской литературы, заявлял, что диссертации об Андрее Платонове «уже защищены», указывал аспирантам на более «насущные» темы. Существовало также «мнение», что изучать раннее творчество писателя — удел краеведения. По свидетельству Н. М. Малыгиной, с 1975 года навещавшей Марию Александровну Платонову (1903–1983), вдова писателя недоумевала, почему после окончания аспирантуры в Ленинградском университете Н. Малыгиной пришлось отложить защиту диссертации, несмотря на положительные отзывы и проделанную большую работу, в том числе поисковую. В подшивках воронежской «Нашей газеты» исследователь выявила «Рассказ о многих интересных вещах», атрибутировала участие А. Платонова в создании этого произведения [11] и, благодаря многочисленным наблюдениям над его прозой 1920-х годов, предложила новый взгляд на творчество писателя. Уже в конце 1970-х годов открывалась возможность реализовать подход к платоновской прозе «как к единому целостному метатексту» [12, 35] — так будет сформулирована программа работы на многие годы. Однако «выпускающей организацией» кандидатская диссертация не была допущена к защите. «Я не могу понять, почему так сложились взаимоотношения с Ленинградом? Приняли они Вас хорошо. Почему же так и не утвердили Вашу работу? <...> Вернетесь ли в Москву жить? Когда? ...Вы совсем забросили диссертацию, или будете еще сражаться за нее?» [13, 85–86], — задавалась вопросами М. А. Платонова в письме от 8 августа 1978 года. Много лет спустя, готовя публикацию для журнала «Отчий край», Н. М. Малыгина расскажет о подоплеке тех событий: «Вопрос Марии Александровны, буду ли я сражаться, укрепил мою решимость довести дело до конца. Конечно, ее поддержка придавала мне сил.

Ситуация на кафедре советской литературы Ленинградского университета, о которой спрашивала Мария Александровна <...> в конце 1970-х годов изменилась. На обсуждении моей диссертации, несмотря на положительные отзывы рецензентов, мне было рекомендовано переделывать работу. <...> Заведующий кафедрой профессор Л. Ф. Ершов считал художественный уровень прозы Платонова 20-х годов недостаточно высоким для того, чтобы можно было о ней писать диссертацию. В то время обстановка на кафедре осложнялась для меня еще тем, что уволили из университета моего научного руководителя — Лидию Арсеньевну Гладковскую... Она была единственной на кафедре, кто согласился руководить работой о Платонове. Остальные отнеслись к намерению написать диссертацию неодобрительно и настороженно. Меня спрашивали, чего ради я интересуюсь Платоновым, если я не из Воронежа, как будто Платонов мог вызывать только краеведческий интерес. Мне тогда даже в голову не приходила мысль, что ради бесконфликтного прохождения аспирантуры тему можно изменить» [из письма Н. М. Малыгиной в редакцию журнала «Отчий край». Январь 2005 года].

По словам Л. А. Шубина, за каждой подобной историей стоят не «обстоятельства» и «не судьба»: «Нет безмянных страстей и сил безликих нет. Есть только реальные люди. Гадости творит не судьба, а люди» [из письма В. П. Скобелеву от 19.01.1978]. В «ленинградской» истории 1978 года свою роль, очевидно, сыграли стереотипы восприятия творчества А. Платонова в советской печати, отсутствие интереса у работников кафедры ЛГУ к разным слагаемым творческой биографии писателя, а также элементарное незнание многих его произведений. С таким же предвзятым отношением в 1960-е и в 1970-е годы сталкивалась Мария Александровна Платонова: «И никто не поверит, как я устаю от унижительных разговоров с людьми, которые всё запрещают, но сами Платонова совсем не читали, совсем. Только помнят чьи-то злобные ругательства» [14, 26].

Кандидатскую диссертацию «Эстетические взгляды Андрея Платонова» Н. М. Малыгина защитит в Томске в 1982 году, но не откажется от подхода, предложенного в своей ранней работе. Поэтике «возвращения» в творчестве писателя будут посвящены ее многие труды, востребованные научным сообществом [15].

В начале 1978 года С. Г. Семенова запишет в дневнике: «...полной истины сказать с советской трибуны нельзя. Да и то, что говорится, вкривь и вкось понимается» [10, 395]. В условиях запретительной системы идеи, обсуждавшиеся в частной беседе, переиначивались и даже присваивались [10, 410], рукописи, отклоненные советскими издательствами и журналами, не только уходили в самиздат, но и пересказывались без ссылок на автора. Об одной из опубликованных об А. Платонове моногра-

фий Л. А. Шубин писал В. П. Скобелеву: «Не в том дело, что там всего нахватано <...> Помнишь, Иешуя, заглянув в записи Левия Матвея, ужаснулся: Бр-р-р» [из письма от 1.07.1982].

В провинции информационное поле для глубоких работ о наследии Платонова также ревниво регламентировалось, статьи, предложенные к печати, отклонялись под разными предлогами. Владиславу Анатольевичу Свительскому [1940–2005], известному отечественным и зарубежным исследователям по многочисленным статьям [16], один из воронежских редакторов, сетуя на цензуру, сообщал, что «научная сфера деятельности “невелика, непублична” и не имеет отношения к выступлениям в местной периодике. Ученый рассматривал проблему подцензурного письма с других позиций: «Напрасно отделяетесь указанием на то, что принадлежите к тем, кто делает “реальное и публичное дело”. <...> Облегчите себе участь ссылками на цензора, болото... Уверяю Вас, мир гораздо безнадежнее. Русский художник и цензор скованы одной цепью, не существуют один без другого. Их трогательное единство еще не скоро будет нарушено. Не принадлежу к его защитникам, но, может быть, художник от него кое-что и получает: ему надо быть более упругим, жизнестойким, умудренным. Моя же (до сих пор оправдывавшаяся) вера в художника говорит, что настоящий Мастер, каковым, несомненно, был Андрей Платонов, не в состоянии пустить в свою душу никого, в том числе цензора. Иначе — не художник, не мастер, иначе — вырождение. <...> Да, учтите, в наших условиях есть альтернатива, страшная и кратковременная, не известно, чем чреватая, только затормаживающая естественный ход развития. К ней Вас вольно или невольно тянет: профессора со связанными за спиной руками, пианисты с перебитыми пальцами» [из письма Л. Коробкову от 04.03.1975].

Не только в «теории», но и в интенсивной научно-критической работе исследователи, объединенные бережным отношением к платоновской теме, искали способы обойти цензурные запреты. Особое значение приобретали цитаты из анализируемых текстов, литературные параллели. Цитаты-ассоциации создавали иносказательный контекст, помогали понять аллюзивный смысл сказанного. Так, например, в статье о пьесе Платонова «Ученик лицея» В. П. Скобелев и В. А. Свительский использовали два четверостишия из блоковского стихотворения «Пушкинскому Дому»:

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Слова «тайную свободу», выделенные у А. Блока курсивом, в условиях подцензурного анализа приобрели особое значение, служили кодом к зашифрованному подтексту. Насколько актуален и прозрачен для середины 1970-х годов был смысл подобных метафор и сопоставлений, мы можем судить по тому уже, что статья «Тайная музыка свободы», из которой привожу цитаты, была опубликована в пятом номере журнала «Подъем» за 1976 год с сокращениями и под другим названием (была известна читателям как «Радостное состояние поэзии»).

Конечно, усиление запретительной системы драматично сказывалось на работе и судьбах исследователей. Л. А. Шубин чрезвычайно серьезно отнесся к известию о вынужденном отзыве В. П. Скобелевым из московских аттестационных инстанций докторской диссертации, защищенной им в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена в ноябре 1973 года, но так и не утвержденной экспертным советом ВАК: *«Дорогой Владик! <...> Очень меня огорчило твое письмо — не словами, не текстом, так сказать, а именно своим подтекстом. Показалось мне, дай Бог, чтобы только показалось, <...> что как-то “подкосила”, “подсекла” тебя, твой дух и твой юмор, вся эта подлейшая и глупейшая история с диссертацией. Показалось мне, что принял ты это как-то очень “всерьез”, как какую-то “оценку” твоей работы. Не разумом, разумеется, — слишком свойственен тебе народный и природный юмор и ирония, — но где-то там, в глубине, в недоступных нашему разуму глубинных “подкорках”, как говорят господа фрейдисты. А “наверх” это “всплывает” как какое-то ерническое — “где уж нам” <...> Нехорошо это. Во-первых, им и не должно нравиться то, что мы пишем. А во-вторых, мы ведь должны знать, помнить, понимать, чувствовать подлинную цену “ихой” подлой игры.*

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, —
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

И мы принимаем участие по необходимости в “ихой” игре в диссертации, звания, положения, ордена, медали и т.д. Но ведь знаем, и в этом наше перед ними отличие, что это необходимо, что это не более, чем игра. <...> Для них это не игра, а жизнь, но мы ведь знаем, что жизнь, наука, литература — это во все не диссертации и звания, а нечто совсем, совсем иное. И даже лежит где-то совсем в ином измерении. <...> Нельзя этого забывать и допускать сомнения в этом даже в свое “подсознание”. Иначе мы сравниваемся с ними, уравниваемся с ними. А они очень этого хотят. <...> И их хула — нам в похвалу. И только. <...> Дай тебе Бог сил, твердости и юмора. Хотя, это я хорошо чувствую по себе, с годами этого нашего “оружия” и наших “запасов” становится все меньше. В моей конторе тоже ужасно трудно. Но у тебя есть студенты, и они — хоть один на сто или даже

на тысячу — все-таки оправдывают твою работу» [из письма от 23.03.78].

Десятилетняя история присуждения докторской степени В. П. Скобелеву (в 1983 году он защитит свою работу в московском совете) носила, конечно же, совсем «не частный характер». В диссертации воронежского исследователя, внука русского крестьянина и сына агронома, была предпринята смелая попытка показать, как различные художественные концепции национального бытия формировались в прозе 1920-х годов и обсуждались в литературной критике тех лет «в свете раскрестьянивания народной жизни» [17]. Над этой проблематикой размышлял и Л. А. Шубин: *«Владик! Книгу твою и статью получил и прочел. Это все серьезно и разговор о книге в письмо не влезет. Надеюсь на встречи. Спасибо. Скажу только, что идея “раскрестьянивания”, оркестрованная в книге, мне очень близка. Я об этом говорил и, кажется, писал. Жаль только, что в книге она звучит все же слишком мажорно. Идея, вернее самый этот факт исторический, трагическое обстоятельство нашей жизни. Мы не успели вырастить еще нового идеала, как все уже “началось” <...> мы-то раскрестьянились, а другого вырастить не успели. <...> Остальное до встречи. Книга хорошая, нужная книга (как В. И. говорю)»* [из письма от 9.03.1977].

В 2003 году В. П. Скобелев вспоминал, что «монографию “Масса и личность...” писал, учитывая пример Шубина. Эту книгу старался “не застегивать” на парадные пуговицы» [18, 42]. Конечно, ученый подвергал себя большому риску: диссертация, направленная на утверждение в ВАК, все еще находилась на рассмотрении. Но, как видим, своих профессиональных позиций не сдавал, испытания переносил стоически: в письмах, адресованных тем, кто его поддерживал, рефреном проходит строка из «Песенки старого шарманщика» Булата Окуджавы: «Хватило бы улыбки, когда под ребра бьют...» [19, 34].

Тем же правилам следовал Л. А. Шубин. Делясь нерадостной “хроникой” своей работы в “Советском писателе”, он не терял надежды, что успеет завершить свою заветную книгу: *«Прессинг какой-то жуткий, жизнь играет в хоккей с нами очень жестко. Комментарий к Заболоцкому завершил, но они его сократили вдвое, жаль. Но это только первый том. Второй грядет. Написал рецензию на критические книги А. Адамовича. Для меня — это ЧП. А за это время в издательстве рукописи набежали — жуть. Живу в кошмаре. Однако договор со мной на книгу о Платонове все-таки заключили. Вот с 5 июля ухожу в отпуск на 44 дня <...> (у меня были 3 неиспользованных отпуска и 1 месяц обещали творческого за свой счет). Словом, надо работать и работать»* [письмо от 01.07. 1982].

В следующем году из-за тяжелой болезни Л. А. Шубин уйдет из жизни. Его книга «Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове», подготовленная к печати Е. Д. Шубиной,

выйдет в 1987 году. «Работы разных лет» будут вновь прочитаны и станут значимым ориентиром для всех, кто изучает наследие писателя. Архив ученого (в том числе его переписка) в этом юбилейном году будут переданы на хранение в Платоновскую группу ИМЛИ...

Для введения в научный оборот документов «без срока давности» в подцензурную эпоху большую роль сыграли краеведческие разыскания [20]. Многие факты открывались из писем братьев А. Платонова — Петра Платоновича и Сергея Платоновича Климентовых. Большая часть этой информации была обнародована В. А. Свительским [21]. Воспоминания Г. З. Литвина-Молотова об Андрее Платонове, присланные им в Воронеж после публикации в журнале «Подъем» ряда произведений писателя, пока не выявлены, но сохранились письма, адресованные О. Г. Ласунскому. В одном из них первый редактор А. Платонова советует обратиться к материалам воронежской пореволюционной периодики за 1919, 1920 и 1921 годы и перечисляет названия газет и журналов, с которыми сотрудничал начинающий поэт и журналист А. Климентов (Платонов). Г. З. Литвин-Молотов настаивает: «Незачем приписывать Платонову вещи по наитию. Писал он все же мало, но больше, чем печатали. И утверждают неправильно, что чуть ли не все передовые статьи писал он. Стиль его тогда был наш, нам свойственный <...> И, как правило, газета заполнялась ответственным редактором — т. е. мною. Это не исключало, конечно, максимального использования группировавшихся вокруг «Воронежской бедноты», «Красной деревни», «Призыва», «Искры», «Известий» их талантливых сотрудников. <...> Достаточно и того, что написано и опубликовано А. П. Платоновым (Климентовым). Незачем приписывать ему того, что он не писал» [письмо от 28.05.1970].

Двадцать лет назад, отвечая письмом на вопрос редколлегии «Платоновского вестника» о том, велика ли дистанция между подцензурным «взглядом на платоновское наследие и современным взглядом», В. П. Скобелев уверенно признал: «Мы много еще не знали о Платонове (это позже Н. В. Корниенко и другие ученые открыли, опубликовали и прокомментировали огромный пласт платоновских материалов). Многое мы тогда и не могли сказать. Вот вам и дистанция. В прежние годы у нас была возможность лишь что-то сказать о Платонове...» [18, 45].

К 125-летию Андрея Платонова исследователям удалось сделать очень многое для приращения наших знаний о писателе. Осуществленные за последние годы издательские проекты — увидевшие свет добротные тома Научного собрания сочинений А. П. Платонова, долгожданный девятый (юбилейный) выпуск «Страны философов» [22] и многие другие издания убеждают в том, что продолжается интенсивная исследовательская работа, уточняются контексты изучения и понимания творчества писателя, в научный оборот вводятся ценнейшие ар-

хивные материалы, в том числе деловая переписка губернского мелиоратора А. П. Платонова, неизвестные письма и заметки его современников, источники и редакции статей и произведений, неопубликованные материалы, извлеченные из архивов, описание личной библиотеки писателя, хранящейся в ИМЛИ РАН, стенограмма обсуждения его рассказов. Несомненно, документы, относящиеся к жизни и творчеству великого уроженца Ямской слободы, будут востребованы специалистами «без срока давности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Epelboin A. Retour a Voronej / A. Epelboin // La Quinzaine litteraire. — 1999. — 16–30 novembre. — P. 23.
2. Семенова С. Г. «В усилки к будущему времени...» (Философия Андрея Платонова) / С. Г. Семенова // Литературная Грузия. — 1979. — № 11. — С. 104–121.
3. Шубин Л. Андрей Платонов / Л. Шубин // Вопросы литературы. — 1967. — № 6. — С. 26–54.
4. Письмо П. П. Климентова В. А. Свительскому от 31 мая 1984 года [из собрания О. Ю. Алейникова].
5. Бочаров С. Дело жизни автора этой книги / С. Бочаров // Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 3–14.
6. Шубин Л. А. «Чтобы завещанное им слово не убывало...» [Рец. на сборник: Творчество Андрея Платонова. Статьи и сообщения. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1970] / Л. А. Шубин, Г. А. Белая // Вопросы литературы. 1972. — № 2. — С. 188–193; Шубин Л. Созревающее время / Л. Шубин // Детская литература. — 1980. — № 10. — С. 31–34; Шубин Л. Начало сознания. О публицистике Андрея Платонова воронежского периода / Л. Шубин // Литературное обозрение. — 1981. — № 9. — С. 100–103.
7. Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет / Л. А. Шубин. — М.: Советский писатель, 1987. — 368 с.
8. Шубина Е. От составителей / Е. Шубина // Андрей Платонов: Мир творчества. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 3–8.
9. Шубин Л. Критическая проза Андрея Платонова / Л. Шубин // Платонов А. Размышления читателя. Статьи. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 3–18.
10. Мытарства идеала (Из дневников Светланы Семеновы) // Семенова С. Г. Юродство проповеди: метафизика и поэтика Андрея Платонова; сост., предисл. А. Г. Гачевой. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 621 с.
11. Малыгина Н. М. Идейно-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах» / Н. М. Малыгина // Русская литература. — 1977. — № 4. — С. 158–164.
12. Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н. М. Малыгина. — М., 1992. — 38 с.
13. Цит. по: Малыгина Н. М. Мир, в котором жил Андрей

Платонов. Из воспоминаний жены писателя / Н. М. Малыгина // Отчий край. — 2005. — № 3(47). — С. 85–86.

14. Письма М. А. Платоновой воронежцам. Публикация и предисловие О. Ю. Алейникова // Платоновский вестник. Информационно-библиографический бюллетень. — 2009. — № 4. — С. 23–31.

15. См., например: Малыгина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения»: Науч. изд. / Н. М. Малыгина. — М.: Теис, 2005. — 334 с.

16. Свительский В. А. А. Платонов вчера и сегодня. Сборник статей / В. А. Свительский. — Воронеж, 1998. — 156 с.

17. Скобелев В. П. Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов (К проблеме народного характера) / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. — 340 с.

18. «Правды о Платонове они боялись...» [интервью

с В. П. Скобелевым] // Платоновский вестник. Информационно-библиографический бюллетень. — 2003. — № 2–3. — С. 41–45.

19. Алейников О. Ю. Человек из легенды / О. Ю. Алейников // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. — 2010. — № 2. — С. 30–36.

20. Ласунский О. Г., Акулов В. Начало пути. (Страницы жизни и творчества А. П. Платонова) / О. Г. Ласунский, В. Акулов // Ласунский О. Литературные раскопки. — Воронеж, 1972. — С. 201–239.

21. Свительский В. Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова / В. А. Свительский // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. — 1999. — № 13. — С. 185–202.

22. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 9. Юбилейный / отв. редактор Н. В. Корниенко; сост. М. В. Осипенко. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 1040 с.

Воронежский государственный университет

Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Voronezh State University

Aleinikov O. U., Candidate of Philology, Associate Professor. Department of Russian literature XX–XXI centuries, Theory of literature and Humanities

E-mail: oaleinikov@yandex.ru